

УДК 174

**Академическая этика в пограничной ситуации:
есть ли надежда на спасение?**

Аннотация. Статья посвящена обсуждению ценностной трансформации этики профессора. Автор утверждает, что длительные реформы высшей школы существенно изменили ценностное содержание академической этики. Она не смогла выдержать удара коммерциализации и бюрократизации высшей школы и сегодня уместно говорить о разрушении аутентичной академической этики и даже о потере профессором своей профессиональной идентичности. Процесс деградации ценностного содержания затронул все виды деятельности, привычные для сотрудника высшей школы. И настолько глубоко, что справедливо говорить о существенном понижении статуса профессора и разрушении его мотивации продолжать академическую работу. Но главным пострадавшим в этой ситуации стала молодежь, у которой все меньше интереса учиться в реформированном университете. Автор показывает как уход из университета аутентичной академической этики приводит к тому, что высшая школа больше не может ответить на духовный запрос общества. Высказывается прогноз о переходе академической этики из университетов в другие интеллектуальные пространства, заинтересованные в развитии содержательных науки и образования.

Ключевые слова: этика, академическая этика, наука, образование, реформа образования, трансформация, ценности.

Вопросы, заданные НИИ прикладной этики для обсуждения на страницах нового выпуска «Ведомостей», представляются предельно точными, чрезвычайно точной кажется и оценка состояния академической этики в нашей стране как «пограничная ситуация». Заметим, что речь идет уже не о кризисе как резком изменении привычных условий существования, а именно о пограничной ситуации, она, учил нас К. Ясперс, является не только переходом от одних событий к другим, но ещё и бытием перед лицом смерти: «Они – как стена, на которую мы наталкиваемся, у которой мы терпим крах» [3, 255]. Есть ощущение, что за разговорами о трансформации ценностей академической этики мы иногда не замечаем, как этот процесс может привести к исчезновению привычной нам этики профессора, которая всегда была связана со свободным поиском, исключительными личными качествами, идеей служения, бескорыстия вплоть до жертвенности. С моей точки зрения, высказанной неоднократно в различных выпусках «Ведомостей», профессор классической академической эпохи, трудившийся в университете, существовал как житель «трех

миров»: научного, педагогического и культурно-просветительского. Все три мира были неразрывно связаны друг с другом и являлись разными сторонами единого потока академической жизни. Профессор вел исследования, представлял их результаты молодому поколению и видел в этом свою культурно-просветительскую миссию. Можно сказать по-другому: профессор исполнял свою миссию как педагог, передавая ученикам сведения из современной науки, которую он понимал как *высокую* культуру. При этом отношения его с аудиторией строились на основе доверия: слушатели считали его профессионалом, говорящим от имени передовой науки, он же относился к аудитории как к талантливым, любознательным ученикам, желающим освоить профессию и достичь в ней высот.

Происходящая сейчас трансформация академических ценностей затронула как все три стороны этики профессора, так и сильно деформировала его отношение с аудиторией. Если подытожить все, сказанное ранее, то суть ценностной трансформации сводится к следующему.

Научная работа как свободный и увлекательный поиск истины почти покинула пространство высшей школы и оказалась вытеснена деятельностью по имитации науки. Отныне ученый зачастую не может избирать направление исследований, а вынужден заниматься только тем, на что ему дадут грант, либо тем, что одобрит руководство. Также руководство, иногда не имеющее никакого отношения к ученому сообществу, отныне решая за профессора, в каких журналах ему публиковаться, устанавливает и необходимое количество этих публикаций. Их содержание особо никого не интересует; крайне желательно, чтобы статья была на английском языке и в известной западной индексируемой базе данных, которая имеет непонятное отношение к нашей стране. Зато ясно, что такую статью точно никто не прочитает, ни за границей, ни у нас. Также мало шансов на то, что кто-нибудь прочитает статью в российском журнале: требуемое количество статей заставляет авторов тиражировать похожие тексты с одинаковым идейным содержанием, интереса к таким публикациям нет никакого. Если раньше профессор публиковался в первую очередь ради своих студентов и коллег, то теперь читателя у него нет; его научная работа фактически существует ради одного сплошного отчета, и только минимум усилий уходит на приумножение самого знания. Трудно сказать, повысился ли авторитет российской науки на Западе благодаря публикациям в известных базах, но то, что в самой России науке был нанесен огромный ущерб – несомненный факт. Но даже если профессор, в ущерб своей академической совести, подготавливает к публикации требуемое количество текстов, то такой «результат»

тат» научной работы ему принадлежит не полностью. Фактически, публикация является собственностью его организации, которая считает себя вправе добавить ему нескольких соавторов, либо наставить в его текст ссылки на кого угодно. Такая же опасность исходит от некоторых «научных» журналов, превратившихся, по сути, в коммерческие проекты. Отметим, что все это происходит во время усилившейся риторики относительно необходимости защищать авторские права и бороться с заимствованиями. Получается, что настоящая наука, понятая как процесс самореализации и свободного поиска и как результат, представляемый на суд коллег и учеников, от профессора отчуждена. Если он и рискует заниматься той свободной наукой, которую помнит и любит, то только на свой страх и риск, в качестве хобби.

Есть и ещё один важный момент в деградации научной составляющей, о котором редко упоминают. Научная работа для ученых никогда не была только теоретическим занятием, а считалась практической деятельностью и творческим поиском. Ученые-естествоиспытатели создавали целые миры в своих лабораториях, на опытных станциях или в ботанических садах. Ученые-гуманитарии копали в библиотеках и архивах, стремясь найти важные сведения, необходимые для лучшего понимания духовной культуры. Эта повседневная работа была доступна только наиболее увлеченным искателям, которые считали, что для опубликования, хотя бы одной, качественной работы требуется несколько лет кропотливого труда. В итоге количество публикаций было небольшим, но каждая из них делала значительный вклад в науку. Теперь же, когда от каждого ученого требуется едва ли не по пять публикаций в год (и ещё по десятку утомительных отчетов), такая, настоящая исследовательская работа стала невозможной. А если учитывать, как сокращается финансирование этой области, то экспериментальная наука как практика и творческий поиск может вообще исчезнуть как уникальный вид деятельности. Имитационная наука в нашей стране рискует превратиться во что-то на подобие новостного агрегатора, систематизирующего отголоски исследований иностранных коллег и выдающего эту активность за новейшие открытия.

Не лучше обстоит дело и с педагогической работой. Принято было считать, что в университетах преподают ученые и передают новому поколению молодых ученых современную науку. Но только какую науку будет транслировать современный профессор? Имитационную науку контрольных цифр, отчетов, мультисоавторства и индексированных баз данных? Успешно можно преподавать только то, в чем сам глубоко разобрался. Но современная академическая жизнь

не позволяет вникать в глубину, она направлена на производство неосмысленных данных, что опять же имеет сходство с производством информации в СМИ. Помимо идеи трансляции научного знания в высшей школе раньше господствовала идея преподавания как процесса, предполагающего живое и равное общение между увлеченным носителем знания (профессором) и его заинтересованным искателем (студентом). Но именно этот процесс подвергся ужасающей формализации и бюрократизации. В среднем по стране нагрузка преподавателя выросла в разы: настолько, что трудно представить, как можно качественно вести занятия по такому количеству курсов. На каждый курс от профессора требуется произвести безумное количество бумаг, которые регламентируют едва ли не каждый шаг в аудитории. Все это ошибочно называется «методическая работа», хотя именно к методикам проведения занятий это не имеет никакого отношения. Весь этот «бюрократический комплекс» заменил живой процесс общения бесконечным подсчетом баллов и рейтингов, иногда заносимых в электронные базы данных. Кажется, делается все, чтобы максимально обезличить учебный процесс и свести общение профессора и студента к минимуму. Возможно, таким образом хотели повысить качество образования, но повысили только бессмысленную суету преподавателей и изворотливость студентов. О содержательной стороне учебных курсов почти никто не думает; смысл педагогической работы также переместился в область количества и исчисляется цифрами нагрузки, а иногда и прибылью, полученной от продажи образовательных услуг.

Отчуждение профессора от его аудитории – это, возможно, самое драматическое, что с ним могло произойти за последнее время. Ученому неинтересно и даже невозможно развивать науку в одиночку. Для прорыва в науке ему нужен коллектив молодых, горящих своим делом коллег, и этот коллектив, как правило, формировался из учебной аудитории. Занимаясь со своими учениками, профессор создавал научную школу, готовил новую смену исследователей и тем самым работал на будущее своей области науки, а также на будущее страны. В этом он видел свое призвание и смысл жизни. Но теперь, когда и наука стала производственным процессом по созданию текстов, и учебный процесс превратился в деятельность по оказанию образовательных услуг, профессор теряет смысл продолжать работу. Обратной стороной этой драмы является разрушение мотивации к учебе у студентов. Здесь, конечно, виновата не только высшая школа. Первый удар по мотивации учиться нанесла система ЕГЭ; если раньше школьник, желавший освоить профессию, целенаправленно готовился к поступлению на соответствующий факультет,

то теперь он настроен преимущественно получить высокие баллы сразу по нескольким ЕГЭ и занять бюджетное место хоть где-нибудь. В некоторой мере он прав: если понятие «специалист» сейчас исключено из государственных документов, регулирующих образование, а ступень бакалавра часто понимается как продленное школьное обучение, то первокурснику очень трудно связать свою учебу с будущим родом занятий. Казалось бы, что в такой ситуации на вузах лежит повышенная ответственность: надо приложить все усилия, чтобы заинтересовать студента предметом и сделать из него высокообразованного выпускника. Этого можно было добиться не только путем организации увлекательного учебного процесса, но и благодаря включению новичка в настоящий исследовательский коллектив: кафедру, лабораторию и т.д. Но дело в том, что в последнее время руководство университетов устроило настоящий разгром многих небольших коллективов: кафедры, отделения, факультеты и даже университеты объединяются в какие-то грандиозные департаменты, и в них теряются даже опытные сотрудники. Для студента эти образовательные монстры представляются неким серым пространством, где с ним общаются только представители администрации. Если даже у студента и проявляются проблески интереса, то ему некуда с ним обратиться. А дальше вступает в действие неотвратимое педагогическое правило: ученики прекрасно понимают отношение к ним педагогов и администрации вуза, и все скорби нынешней высшей школы переживают значительно сильнее своих наставников. Для студентов не секрет, что в мире господства отчетов и контрольных цифр ученикам уделяется минимум внимания. Поэтому уже к концу первого курса большинство студентов полностью теряют интерес и перестают понимать смысл происходящего. Наука, о которой им так много говорили, существует для них только как презентационные мероприятия и представляется чем-то между бизнесом и шоу-бизнесом, занятый отчетами профессор – кто-то похожий на школьного учителя, не любящего ни учеников, ни свой предмет, и, соответственно, сами университеты выглядят для студентов репрессивными организациями, подавляющими их яркую индивидуальность.

Можно вспомнить, что в университеты всегда приходили те, кто разочаровался в сделанном выборе и бросал учебу, но сейчас таких разочарованных студентов – сотни. Миграция из вуза в вуз приобрела значительные масштабы; некоторые за 4 года учебы успевают поучиться даже в 3-4-х университетах, а в магистратуру будут поступать в пятый. Вообразим, каких выпускников получают целые отрасли экономики, если те понемножку поучились в разных местах, а в сущности, по-настоящему не учились нигде. Здесь можно получить

уже не драматические, а весьма трагические последствия для общества. И если подводить итог трансформации, произошедшей с педагогической составляющей академической культуры, то можно заметить, что она стремительно скатывается к уровню, когда преподавать (считать рейтинги, слушать доклады, делать пустые публикации) может кто угодно, и учиться может также кто угодно. Некогда высокие статусы университетского преподавателя и студента университета постепенно растворяются в деятельности, глубоко чуждой академической культуре. И главными проигравшими в этих условиях оказывается именно молодое поколение. Представим себе масштабы разочарования вчерашних школьников, потративших огромные силы на преодоление барьера ЕГЭ, от учебы в университетах, имитирующих науку и образование.

Конечно, некоторые черты подлинной академической культуры ещё остаются. Если рассматривать культурно-просветительскую миссию, которая всегда была свойственна высшей школе, то ситуация с ней не выглядит столь же удручающе. Напротив, многие университеты осознали необходимость быть открытыми для общества: сотрудничать со школами, образовательными центрами, летними лагерями, консультировать общественные институты и т.д. Некоторые из университетских сотрудников нашли в этом свое призвание и с удовольствием занимаются с талантливыми школьниками. Они видят в этом спасение от формализма повседневной бюрократической деятельности, но она все равно агрессивно вмешивается в их жизнь. Какие бы удивительные творческие проекты ни вел сотрудник со школьниками, или в каких бы важных волонтерских программах он ни участвовал, администрация все равно требует от него бессмысленных статей и отчетов, а они, в свою очередь, требуют отдавать им почти все время. В итоге эта ситуация ставит сотрудника перед выбором: либо отдавать все силы тому, в чем он находит свое призвание и служение, и затем, скорее всего быть признанным начальственными кругами «неэффективным»; либо уходить с головой в рутину. Получается, что здесь также открывается тревожная перспектива: если раньше культурная миссия заключалась в том, что университет дарит обществу *высокую* культуру, то теперь приближается время, когда ему нечего будет подарить, кроме вала пустых текстов и отчетов.

Однако разговор о трансформации, происходящей сегодня с высшей школой, будет не полным, если замечать деградацию только ее отдельных элементов. Важно также видеть изменения того, что можно было бы назвать общей атмосферой, либо повседневными условиями обитания сотрудников университета. А здесь происходит,

пожалуй, самый серьезный разрыв с традиционными условиями, именно здесь и приходится вспомнить, что «пограничная ситуация» – это не только бытие перед лицом смерти, но и переживание угрозы смерти. Угроза, страх стали едва ли не главными умонастроениями современного российского кампуса. Обитатели университета уже почти смирились с тем, что живут под постоянной угрозой, а университетское руководство почему-то считает себя вправе угрожать сотрудникам. Страх потерять средства к существованию и сам по себе унижает сотрудников, требует соглашаться на различные унижения. Угрозы, с которыми сталкивается профессор, весьма разноплановые в смысле приказов, которые падают на него сверху, но, в целом, сводятся к страху быть исключенным из ученого сообщества. У рядового российского профессора, работающего в обычном, далеко не самом известном вузе, создается стойкое убеждение, что академические власти хотят его выгнать, сократить ставку, ликвидировать его кафедру (лабораторию, подразделение) и для этого придумывают различные изощренные тесты на состоятельность и эффективность, например, проверку здоровья, индекса цитируемости, лояльности руководству, соответствия всяким произвольным шаблонам и рейтингам. Причем соответствие изощренным требованиям, имеющим небольшое отношение к профессиональной компетенции, исполнение не всегда адекватных указаний руководства, отнюдь не гарантируют профессору устойчивого будущего. Он в любой момент может стать жертвой новых управленческих идей либо разрушительных реформ, и его не спасут ни индексы, ни рейтинги, ни многочисленные унижения, которым он подвергается.

Справедливо утверждать, что в сложившихся условиях университетский профессор стремительно теряет идентичность. От положения человека-творца, обитавшего в мире *высокой* науки и образования, он скатывается на уровень менеджера самого низкого звена, у которого нет самостоятельных целей, но зато есть неизменная задача – исполнить любой приказ начальства. О нем как о не последнем специалисте в своей области руководство вспоминает только в двух случаях: когда посредством его труда можно заработать деньги для вуза, либо когда можно использовать его имя в рейтинговых медийных мероприятиях. Вся остальная его деятельность предполагает малоквалифицированную механическую работу, ориентированную только на достижение спущенных сверху количественных показателей. Единственная позитивная мотивация, которую руководство считает законной и актуализирует её у сотрудников, – это финансовый интерес; все идеальные мотивы: увлеченность наукой, служение ей и Родине, ответственность за будущее поколение ученых, – всерьез не

рассматриваются, и в них уже почти никто не верит. А если исчезают идеальные мотивы деятельности, то говорить об этике в этой сфере становится бессмысленным.

Нарисовав столь не радужную картину, уместно спросить вместе с НИИ прикладной этики: «Удивительно ли, что этика профессора переживает пограничную ситуацию?» И надо сказать, здесь удивляет многое. Во-первых, удивительно, как наша страна, где наука занимала такое почетное место, где будущее всегда ассоциировалось с высокими технологиями вплоть до полетов в космос, где даже в школе пытались преподавать науки, допустила такое унижение науки и образования. Во-вторых, удивительно, как гордые ученые, создававшие целые научные направления, в большинстве своем безропотно согласились на такое унижение и вовлеклись в деятельность по демонтажу привычных условий работы и жизни. В этом плане трудно не вспомнить роман М. Уэльбека «Покорность» [2], где известный ученый-гуманитарий долго рефлексировал, прежде чем присоединиться к большинству. У нас сотрудники университета вроде бы тоже рефлексировали, – многое понимают и часто высказываются, – но присоединяются к большинству очень быстро и ещё быстрее принимают правила бюрократической игры. Ныне уже выросло целое поколение «исследователей», воспринимающих науку почти как маркетинговую деятельность с легким налетом интеллектуального труда. В-третьих, казалось бы, не удивительно, что в стране, ориентированной на рыночную экономику, происходит коммерциализация многих сфер жизни, в т.ч. и высшего образования. Но, вместе с тем, крайне удивительно, что лица, ответственные в нашей стране за образование, не понимают, что коммерциализированные наука и образование направлены в первую очередь на получение прибыли теми, кто ими управляет, и в последнюю очередь – на создание науки и образования высокого уровня. И это, возможно, самое удивительное: государство несет огромные расходы, финансируя высшую школу, но при этом проводит реформы, ведущие к деградации этой сферы. А далее – уже не удивление, а парадокс: очень дорогие реформы приводят к удешевлению и легковесности высшего образования, чья востребованность в обществе вскоре может резко снизиться.

Если суммировать все «удивления», то многое, произошедшее с академической этикой, удивления не вызывает. Этика, как достаточно хрупкая реальность, держащаяся только на вере людей в их высокое достоинство и наилучшие отношения друг с другом, не устояла под ударами всяческих роковых «трансформаций», «трансгрессий» и «разломов» академической среды. И если сегодня кто-нибудь ещё осмеливается продолжать работу, исходя из требований

традиционной академической этики, то он воспринимается почти как «банальный герой», чей портрет был столь вдохновенно написан Ф. Зимбардо [1]. Есть ли, в таком случае, возможность спасти традиционную этику профессора от окончательного уничтожения? Это – не банальный вопрос, а весьма тревожный: как мы видели, потеря подлинной академической этики угрожает рядовым сотрудникам потерей своей профессиональной идентичности, а университетам – потерей статуса центров культуры и образования. Но начнем с того, что этика представляет собой идеальный мир, который, раз возникнув, не может полностью исчезнуть. Можно выгнать из университета профессора, но нельзя из культуры изгнать высокую идею образования и науки. И для тех, кто интересуется наукой ученых-искателей и содержательным образованием педагогов-подвижников, эталоном науки останется увлеченное, бескорыстное исследование, а не её корыстная бюрократическая имитация. Для них настоящим героем науки будет профессор, прочитавший сто книг прежде, чем он напишет одну статью, а не тот, кто прочитал одну книгу и поставлен автором в сто статей.

Другое дело, может ли такая этика академического бескорыстия вернуться в университеты, напомнить им об их призвании и тем самым дать им новую жизнь? Если в ближайшее время тенденция на коммерциализацию высшей школы не изменится, то вряд ли. Но ведь часто случается так, что возвышенная идея, изгнанная со своего привычного места обитания, обретает новую почву. Очень вероятно, что с этикой профессора может случиться нечто похожее.

Будучи погруженными в повседневный пессимизм, мы часто не замечаем другую сторону происходящих трансформаций, а именно – огромного интереса к *высокой* культуре, существующего в обществе. Как бы сейчас ни господствовала массовая культура, но все равно множество людей желают проникнуть в тайны науки, искусства, религии и других духовных сфер. Этот общественный запрос поистине огромен: его чувствует почти каждый сотрудник университета, равнодушный к тому, как воспринимают его область за стенами вуза. У многих не хватает времени, чтобы отозваться на приглашение где-то выступить, о чем-то рассказать, что-то прокомментировать и кого-то проконсультировать. И, заметим, здесь приглашающая сторона обращает внимание не на то, какой у ученого хирш или квартал, а ценит способность разбираться в предмете и ясно об этом рассказать. Очень серьезный интеллектуальный запрос идет со стороны молодежи; сегодня она великолепно себя чувствует в электронном мире и может поглощать огромные объемы информации. Если к этой способности присоединяется хоть капля интереса к интеллектуаль-

ной культуре, то такой человек способен очень быстро добывать сведения научно-образовательного содержания и осмысливать их. К сожалению, высшая школа, в силу описанных трансформаций, не может ответить на духовные запросы молодежи, и вообще, на духовные поиски, существующие в обществе, зато появляется множество образовательных сообществ, которые хотят и могут это сделать. Некоторые средние школы, стремящиеся стать интеллектуальными центрами, частные образовательные организации, детские лагеря, библиотеки, музеи, культурные центры, выставочные площадки и многое другое. И там востребован будет именно носитель традиционной академической этики, способный интересоваться, искать, открывать и при этом увлеченно работать с молодежью. Сейчас мы наблюдаем, как с каждым годом растет поток уволенных университетских сотрудников, обретающих вторую интеллектуальную жизнь в различных образовательных проектах. Ситуация может напоминать условия середины 90-х годов, когда известных ученых можно было послушать в подвалах, кинотеатрах, в зданиях школ. Есть опасение, что если турбулентность в высшей школе не прекратится, то это время вернется, только, разумеется, условия этих выступлений будут лучше. И профессор, который не предавал своего призвания, а просто оказался не нужным в условиях коммерциализации университета, может быть не только желанным гостем там, где стремятся к знаниям, но также может стать творцом целого научно-образовательного мира. Можно прогнозировать, что вскоре число общественных организаций, занятых поисками в науке и образовании, будет увеличиваться (например, начинают развиваться практики корпоративного образования). И там, где не надо думать о рейтингах и отчетах, подлинная этика профессора найдет свой новый дом. Конечно, выглядит несколько парадоксально, что академическая этика поселится в средних школах или частных образовательных центрах, но такова сейчас реальность и такова вполне разумная надежда на её спасение. Возможно, когда разрушительные реформы, наконец-то, прекратятся, и надо будет строить новую, содержательную академическую культуру, бывшие профессора – носители подлинной академической этики, вернутся в университеты и поднимут их из руин. Но пока они не возвращаются, а только уходят.

Список литературы

1. *Зимбардо Ф.* Сопротивление ситуационному влиянию и торжество героизма // *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

2. Уэльбек М. Покорность. М.: Corpus, АСТ, 2016.
3. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.